

ИСТОРИЯ

Сергей Станиславович ПАШИН¹

УДК 930.23

ЕЩЕ РАЗ О ПРОЗВИЩЕ ИВАНА КАЛИТЫ

¹ доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории,
Тюменский государственный университет
pashin-s@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена истории прозвища московского князя Ивана Даниловича Калиты. Прозвище «Калита» впервые зафиксировано примерно в 1446 г. в приложении к Комиссионному списку Новгородской первой летописи, однако статья «Родословие тех же князей» с данным прозвищем могла быть создана в 1415-1439 гг. и иметь северо-восточное происхождение. Таким образом, Иван Калита впервые получил свое прозвище только через 100 лет после своей смерти. По мере постепенного распространения на Руси княжеских родословий прозвище было воспринято тремя (или четырьмя) книжниками XVI в. Случайным образом практически все памятники XVI в. с упоминанием «Калиты» — приложение Воскресенской летописи, Степенная книга и Волоколамский патерик (через «Ядро Российской истории») — были опубликованы во второй половине XVIII в. и стали доступны историкам, включая Н. М. Карамзина. Авторитет и известность последнего сыграли решающую роль в закреплении за князем Иваном Даниловичем прозвища «Калита» в сознании большинства историков и обычных читателей. Историки XIX в. следовали агиографической традиции и считали, что Иван Калита получил свое прозвище из-за того, что носил на поясе кошелек (калиту) с деньгами, которые раздавал нищим. Историки XX-XXI столетий обычно воспринимают «калиту»

Цитирование: Пашин С. С. Еще раз о прозвище Ивана Калиты / С. С. Пашин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 87-102.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-87-102

в переносном смысле и видят в носителе такого прозвища не владельца кошелька на поясе, а правителя, наделенного определенными чертами характера — бережливостью, беспринципностью и т. д. Это мешает объективной оценке политики и личных качеств Ивана Даниловича.

Ключевые слова

Иван Калита, происхождение прозвища, древнерусские летописи, мнения историков.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-87-102

Введение

Замысел этой статьи созрел как минимум 15 лет. В 2006 г. в прошлом аспирант нашей кафедры А. С. Синкевич опубликовал небольшую, но очень содержательную статью о прозвищах сыновей князя Ивана Даниловича Калиты. Основные выводы статьи сводятся к тому, что имя «Семион Гордой» впервые появляется в одном из приложений в составе Воскресенской летописи, появление которой летописеведы обычно относят к 1541-1544 гг. Создание второго памятника, в котором упоминается «великий князь Симеон Иванович, иже зовом есть Гордый», Степенной книги, следует отнести к еще более позднему времени — 1560-м г. Что касается прозвища младшего сына Калиты, то его первое упоминание встречаем только у В. Н. Татищева: одна из глав «Истории Российской» называется «Иоанн II, сын великого князя Иоанна I-го, наречен Красный». Иначе говоря, Семён и Иван Ивановичи получили свои прозвища спустя 200-300 лет после смерти. А. С. Синкевич проследил за практикой использования обоих прозвищ в трудах отечественных историков XIX-XX вв. и пришел к убедительному выводу, что прозвища «Гордый» и «Красный» проникли «в сознание читателей, главным образом, благодаря работам 70-80-х годов» XX в. Особую роль в популяризации княжеских прозвищ сыграли издававшиеся массовыми тиражами учебники для студентов исторических факультетов пединститутов и университетов [27, с. 87-88]. К сожалению, статья в провинциальном малотиражном сборнике осталась неизвестной даже специалистам по истории средневековой Руси.

В 2010 г. увидела свет научно-популярная книга московского историка А. А. Горского «Русское средневековье», в которой имеется глава «Княжеские прозвища». А. А. Горский справедливо заметил, что «многие князья средневековой Руси в исторической литературе традиционно упоминаются с прозвищами. Некоторые из таких прозвищ настолько прочно вошли в массовое историческое сознание, что воспринимаются практически как фамилии» [8, с. 128-134]. Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий, Александр Невский — список этот отнюдь не ограничивается именами 10 князей, приведенных в книге. В реальности многие прозвища появляются столетия после смерти князей, в XV, XVI, а то и XIX-XX вв. [8, с. 128-134]. Например, Иван Данилович «именуется „Калитой“ („калита“ — сумка для денег) в известных нам источниках начиная с конца XIV столетия» [8, с. 128-134]. Чуть ниже А. А. Горский допускает, что, «воз-

можно, какие-то из этих прозвищ всё же были прижизненными, просто прозвище не попало в современные князю источники... Такое можно думать в отношении прозвища „Калита“, которое связано скорее с личными качествами князя, а не с его широко известными политическими деяниями» [8, с. 130].

Окончательное решение написать данную статью родилось после знакомства с одной из последних книг К. А. Аверьянова — автора нескольких серьезных научных монографий по истории Северо-Восточной Руси XIV в. На страницах этой книги неоднократно без каких-либо пояснений упоминались Иван Калита, Семён Гордый и Иван Красный [1, с. 8-17, 19-24 и др.].

История вопроса

Следует признать, что прозвище Ивана Калиты стало достоянием отечественной историографии уже во второй половине XVIII в. Первый раз в печатном виде оно встречается, по-видимому, в «Кратком российском летописце» М. В. Ломоносова (1760 г.): в этом первом конспекте по русской истории можно прочесть фразы «Иван Данилович проименованием Калита» и «Семён Иванович проименованием Гордый» [18, с. 19-20].

10 лет спустя, в 1770 г., стараниями незабвенного Г. Ф. Миллера увидело свет написанное еще в 1716 г. «Ядро Российской истории». Авторство этого произведения Г. Ф. Миллер ошибочно приписал русскому посланнику в Швеции князю А. Я. Хилкову, однако в XIX в. было установлено, что подлинным автором произведения оказался находившийся в шведском плену с 1700 по 1718 г. и служивший у А. Я. Хилкова секретарем А. И. Манкиев. После освобождения из плена он до самой смерти в 1723 г. служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, а его труд в России издавался 4 раза (в 1770, 1784, 1791 и 1799 гг.) и получил довольно широкую известность к концу XVIII в. Именно в «Ядре» впервые в отечественной историографии дается объяснение прозвищу знаменитого московского князя: «По убиении брата своего князя Юрья Даниловича стал наследник и держатель начальственного престола Русского Москвы Великий Князь Иоанн Данилович, зовомый Калита, который сие прозвание принял от того, что всегда при себе носил сумку с деньгами, из которой убогим милостыню раздавал» [34, с. 131].

Знал это прозвище и умерший в 1750 г. знаменитый В. Н. Татищев. В третьей части его «Истории», в главе «Иоанн I Калита, сын Данилов», трижды на последних страницах главы упоминается не просто «Иван Данилович», или «великий князь Иван», а «Иван Данилович Калита». Следует уточнить, что данная часть была напечатана лишь в 1784 г. [31, с. 118, 138, 142, 144]. Не касаясь пока вопроса об источнике информации про калиту-сумку, заметим, что все три историка XVIII в. могли прочесть об Иване **Калите** и Семёне **Гордом** в известной всем им Степенной книге.

Особую роль в деле закрепления за князем Иваном Даниловичем прозвища «Калита» сыграл Н. М. Карамзин. Именно после появления «Истории государства Российского» фраза «Иван Калита» стала восприниматься в сознании и обычных

читателей, и профессиональных историков как нечто очевидное и не нуждающееся в доказательствах. В главе 9 тома 4 «Великий князь Иоанн Данилович, прозванием Калита. Г. 1328-1340» Н. М. Карамзин избегает слова «Калита», предпочитая рассказывать про деяния «князя Иоанна». Только «похоронив» князя, историк замечает: «Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок или *калиту*, наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван *Калитою*» [12, с. 128, 143]. Далее идет сноска 321, которая содержит, во-первых, упоминание про «Ядро Российской истории» и, во-вторых, рассказ Н. М. Карамзина, как он «нашел *современное* свидетельство сего Иоаннова прозвища». Историк сослался на пергаменную рукопись из Синодальной библиотеки, которая содержала надпись 1329 г. якобы митрополита Феогноста: «Книга рекома я Потребник переведена с моей келейной книги Греческой, зовомья Эвхологион, на Русский язык, по прошению моему грешному, по повелению же Великого Князя Иоанна Даниловича, по реклу Калиты». Ниже в той же сноске автор честно признавался, что надпись кажется ему «сомнительную» [12, с. 296, прим. 321]. И не без оснований. Ныне нет никаких сомнений, что мы имеем дело с подделкой XVIII в. [15, с. 24-39].

С. М. Соловьёв на страницах третьего тома «Истории России с древнейших времен» (1853 г.) и, прежде всего, в главе «Борьба между Москвою и Тверью до кончины великого князя Иоанна Даниловича Калиты» регулярно без каких-либо пояснений пишет о деяниях «Калиты» и только в одном месте оставляет сноску без указания на источник информации: «Калитою он назван потому, что носил мешок (калиту) с деньгами, которые раздавал нищим» [30, с. 234, 332, прим. 415].

20 лет спустя это объяснение без тени сомнения (и без сносок) повторил Н. И. Костомаров: «Иван, по прозванию Калита (от обычая носить с собою кошелек с деньгами для раздачи милостыни), оставался долго в тени при старшем брате» [16, с. 182]. Вскоре характеристики прозвища Ивана Калиты как денежного мешка или, «в переносном смысле» — скопидома, стали обычными в общих трудах, учебниках и лекциях по истории России.

Новый этап не столько в изучении, сколько в оценке эпохи «Ивана Калиты» — именно так обычно зовется московский князь в лекции XXI, связан с творчеством В. О. Ключевского. В «Курсе русской истории» ученый не только характеризует итоги внутренней и внешней политики князя, но и, пожалуй, впервые в отечественной историографии указывает на единственное древнерусское известие, объясняющее прозвище Ивана Даниловича. В разделе «Рассказы о Пафнутия» В. О. Ключевский сообщает, что основатель подмосковного Боровского монастыря Пафнутий (ум. 1477 г.) любил рассказывать своим ученикам различные занимательные и поучительные истории. Некоторые из этих рассказов были записаны слушателями.

Крайне любопытную историю рассказала еще молодому Пафнутию в далеком 1427 г. вроде бы побывавшая во время тяжелой болезни на том свете «одна инокиня». «Видела она в раю великого князя Ивана Даниловича Калиту: так он

прозван был, добавлял повествователь, за свое нищелюбие, потому что всегда носил за поясом мешок с деньгами (калиту), из которого подавал нищим, сколько рука захватит». Затем В. О. Ключевский высказал очень спорное суждение: «Может быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднейшие поколения стали усваивать уже нравственное толкование» [14, с. 24-25]. А далее ученый, не мудрствуя лукаво, близко к тексту пересказывает известие нашего источника: «Подходит раз ко князю нищий и получает от него милостыню; подходит в другой раз, и князь дает ему другую милостыню; нищий не унялся и подошел в третий раз; тогда и князь не стерпел и, подавая ему третью милостыню, с сердцем сказал: „На, возьми, несытые зенки!“ „Сам ты несытые зенки, — возразил нищий, — и здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь“» [14, с. 24-25]. По мнению древнерусского рассказчика, «нищий послан был от бога искусить князя». Та же монахиня побывала и в аду и видела там Витовта, которому страшный бес засовывал в рот клещами раскаленные золотые монеты. Литовский князь, между прочим, умер только в 1430 г. Согласно В. О. Ключевскому, «добродушный юмор, которым проникнуты эти рассказы, не позволяет сомневаться в их народном происхождении... <...> У народной памяти своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений» [14, с. 24-25].

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевский не делал сносок, поэтому читатели тома остались в неведении, что ученый в упомянутом разделе всего лишь пересказал с минимумом комментариев небольшую главу «Повести отца Пафнутия» из Волоколамского патерика — памятника агиографии, известного историку в рукописи со времен написания «Древнерусских житий святых как исторического источника» (1871 г.) и впервые полностью опубликованного только в 1915 г. В. О. Ключевский датировал создание Патерика временем не ранее 1546 г. Большинство исследователей полагает, что Патерик создавался в 30-40-е гг. XVI в., а его составителем считается племянник и ученик Иосифа Волоцкого Досифей Топорков [9, с. 95-97, 331-332].

Следует добавить, что «Повести отца Пафнутия» Волоколамского патерика без каких-либо изменений были вставлены в некоторые поздние списки Жития Пафнутия Боровского. Последнее было написано в период между 1500 и 1515 гг. младшим братом Иосифа Волоцкого ростовским архиепископом Вассианом Саниным. Эта особая редакция Жития, естественно, не попала в Великие Четьи-Минеи. Первый и, кажется, последний раз она была опубликована в 1899 г. А. П. Кадлубовским [11, с. 108, 113; 13, с. 206, 295].

Жившего в XVI в. монаха Досифея явно не стоит считать современником Ивана Даниловича, а его творение — целиком или по частям — едва ли можно характеризовать как плод «народной памяти» или «народное сказание». Тем не менее в советской, а затем и постсоветской историографии довольно быстро утвердилась именно такая точка зрения.

Первым подобное мнение высказал автор соответствующего раздела в первом вузовском учебнике истории СССР и академических «Очерках истории

СССР» К. В. Базилевич: «Материальные средства Ивана Калиты возрастали в результате как выгодного расположения Москвы в узле торговых дорог, так и операций по сбору дани. В народном представлении Иван Данилович являлся богатым князем, умевшим копить деньги, почему и получил прозвище Калиты (денежный мешок)» [2, с. 195; 3, с. 198].

Автор фундаментального труда об образовании единого Русского государства будущий академик Л. В. Черепнин в 1960 г., в сущности, повторил все основные наблюдения В. О. Ключевского. Он даже пересказал эпизод с нищим и кошельком-калитой Ивана Даниловича, однако сослался не на «Курс русской истории», а на малоизвестную публикацию Патерика 1915 г. По его утверждению, все «характеристики и оценки Ивана Калиты, идеализирующие его как человека и правителя, вышли из близких к нему кругов церковных и светских феодалов. В создании далекого от реальной действительности образа доброго и справедливого князя принимал активное участие... сам московский великий князь Иван Данилович Калита» [32, с. 316].

В 1966 г. в многотомной «Истории СССР» Л. В. Черепнин, кажется, последним из советских историков осторожно связал прозвище московского князя с агиографической традицией: «О Калите сохранились легенды, в которых его образ рисуется весьма светлыми красками: он якобы был „милостив зело“, носил с собой калиту (кошель) с серебряными деньгами и раздавал их нищим. Этот образ далек от действительности. Иван Калита был жестоким, хитрым, лицемерным, но дальновидным и целеустремленным правителем» [33, с. 87].

В 70-80-е гг. XX в. даже авторы специальных монографий по истории Руси XIV в. писали об «Иване Калите», не задумываясь о происхождении прозвища московского князя [17, с. 324; 5, с. 201]. Только в некоторых вузовских учебниках и научно-популярных изданиях встречаются уже привычные для советских историков объяснения: «Его прозвище было, вероятно, связано с богатством и скопидомством князя: калитой называли кошель для денег, который привязывали к поясу» [21, с. 104].

Постсоветский период не привнес каких-либо существенных изменений. В учебниках и научно-популярной литературе время от времени можно встретить суждения, что при Иване Даниловиче «Москва стала самым богатым княжеством Руси. Отсюда и прозвище князя — Калита („денежная сума“, „кошель“»)» [20, с. 93]. Примерно таких же оценок придерживаются — явно с оглядкой на историков — и исследователи древнерусской литературы. К примеру, подготовившая обе последние публикации Волоколамского патерика (1999 и 2006 гг.) Л. А. Ольшевская написала в комментариях вполне ожидаемое: «„Калитой“, то есть „денежной сумой“, князь Иван Данилович был прозван за то, что сумел собрать большие богатства, которые использовал для покупки земли в других русских княжествах» [9, с. 440].

Авторы специальных трудов, как и прежде, не обращают внимания на прозвище Ивана Калиты, причем порою приходится сталкиваться с парадоксальными случаями. Например, пожалуй, лучший в мире знаток истории Северо-Вос-

точной Руси первой половины XIV в. Н. С. Борисов в монографии о политике первых московских князей [6] не дает объяснения прозвища, а в выдержавшей 3 издания (1995-2005) книге из серии ЖЗЛ «Иван Калита» дважды упоминает, что московский князь был прозван «за щедрость Калитой» [7, с. 275, 279]. В научной монографии говорится о земельных стяжаниях князя, его умелой церковной политике, его вынужденной роли «вышибалы» ордынских долгов, наконец, о сохранении его в памяти народа как «правителя доброго» [6, с. 232-239] (неужели за умение выбивать долги?), но нет даже намека на щедрость Ивана Даниловича. Здесь явно проявилось хорошее знание Н. С. Борисовым дореволюционной историографии.

Подведем итоги краткого историографического обзора. Прозвище Ивана Даниловича упоминается в трех (считая особую редакцию Жития Пафнутия Боровского — четырех) русских памятниках XVI в.: приложении Воскресенской летописи, Степенной книге и Волоколамском патерике. Первые два исторических источника — если можно назвать источником, а не историческим трудом, произведение, созданное через 200 с лишним лет после описываемых событий, — впервые были опубликованы в России соответственно в 1793 и 1775 гг. Они были хорошо известны и активно использовались еще Н. М. Карамзиным, однако историк, объясняя происхождение прозвища Ивана Калиты, ориентировался не на них и, тем более, не на неведомый ему Волоколамский патерик, а на труд «Ядро Российской истории», созданный рядовым русским дворянином в шведском плену в годы Северной войны. Мнение о происхождении прозвища от кошелька-сумки с деньгами для раздачи милостыни нищим стало своего рода аксиомой в трудах историков XIX в. Секуляризированные историки XX столетия чаще видели в прозвище переносный смысл: Калита — это «денежный мешок», богач, но по-прежнему почти никто не задавался вопросом, когда и где родилось это прозвище.

Источники

Приступая к анализу источников, следует прежде всего подчеркнуть, что **ни в одной** русской летописи XIV-XVI вв. (в узком смысле этого слова) мы не встретим упоминания про Ивана **Калиту**. Погодные летописные известия сообщают о великом князе Иване, Иване (Иоанне) Даниловиче, но не «Калите». В нескольких списках Воскресенской летописи (1541-1544 гг.) «Калита» упоминается 5 раз в приложении **перед** основным текстом летописи, начинающимся с Повести временных лет. Данное приложение состоит из нескольких глав, которые частично являются конспектами самой летописи. Нас интересуют три главы. В главе «Начало православных государей и великих князей русских...» под 1303 г. читаем: «Преставися князь Данило Московской Александровичь Невьского; а дети Даниловы: Юрий, Александр, Борис, Иван Калита, Афанасей». Немного ниже, под 1318 г., после информации об убийстве Юрия Даниловича: «И по нем седе брат его князь великий Иван Калита; преставися на великом княжении князь великий Иван Калита» [22, с. 237]. Следующая глава «Уделние князи

Московские» начинается с предложения: «У великого князя у Ивана у Даниловича у Калиты были три сыны...» [22, с. 238]. Далее идет очень короткая глава «Начало и корень великих князей Руских въкратце», и в ней есть фраза «по Даниле сын его Иван Калита» [22, с. 239].

В созданной в 1560-е гг. Степенной книге князь упоминается уже более 30 раз. 8 раз он появляется на страницах книги с прозвищем «Калита»: «великий князь Иван, зовомый Калита»; «великий князь Иван Данилович, рекомый Калита»; «тогда державствова великий князь Иван, рекомый Калита» [24, с. 298, 315, 320]; «в дъни державы Рускаго великаго князя Ивана Даниловича Калиты»; «правнука Иванова же Калиты» [25, с. 391, 429] и т. д. Примечательно, что в 4-й главе 10-й степени (это Житие митрополита Петра, современника Калиты) князь упоминается 6 раз, но ни разу — с прозвищем «Калита» [24, с. 321-332]. Уже в заглавии Жития указано, что оно «списано» митрополитом Киприаном. Еще в одном памятнике рубежа XIV-XV вв. — «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» — «князь Иван Данилович», как известно, назван «собирателем Русской земли», но не «Калитой». Поэтому невозможно понять, на каком основании А. А. Горский решил, что Иван Данилович «именуется „Калитой“... в известных нам источниках начиная с конца XIV столетия».

Третий памятник XVI в. с упоминанием «Калиты» уже назывался — это Волоколамский патерик с его «Повестями отца Пафнутия», повторно воспроизведенными в поздней редакции Жития Пафнутия Боровского. Рассказ Патерика в изложении В. О. Ключевского приведен выше. В этом рассказе прослеживаются две линии. Первая — это запись преданным учеником давних воспоминаний престарелого Пафнутия Боровского о событиях, которые произошли в 1427 г., т. е. во времена далекой молодости святого подвижника. Воспоминания выглядят подозрительными не только из-за рассказов о пребывании в аду и раю. Из Жития Пафнутия известно, что святой был целомудренным до такой степени, что не хотел даже издали видеть женщин — не то что слушать их. А в «Повестях» читаем о «некоей инокине», которая, борясь со смертельной болезнью, находится рядом с Пафнутием.

Вторая линия рассказа — это попытка автора «Повестей» объяснить происхождение прозвища московского князя: «„Виде, — глаголаше, — в раи князя великаго Ивана Даниловича“; нарицаху же его Калитою сего ради: бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту всегда насыпану сребрениць, и куде шествуя, даяше нищим сколько вымется» [9, с. 96; 11, с. 133-134]. Перед нами — субъективное мнение человека XVI в., который пишет через 200 лет после смерти Ивана Даниловича и руководствуются нормами своего времени, а не XIV столетия. Сравнение данного текста с цитатой из «Ядра Российской истории» не оставляет сомнений в том, что А. И. Манкиев был знаком с «Повестями отца Пафнутия».

Степенная книга и «Повести отца Пафнутия» активно использовались и автором составленного в 1691 или 1692 г. и сохранившегося в одном списке Мазуринского летописца. Московский князь упоминается в нем около 30 раз, в

том числе с прозвищем — 7 раз. О каком-либо единообразии говорить не приходится: «Иван Калита» (1303 г.), «великий князь Иван Данилович Калита» (1326 г.), «великий князь Иван, зовомый Калита» (1330 г.), «в княжение князя Иоанна Даниловича Калиты» (1406 г.) и т. д. [26, с. 81, 84, 96, 97].

Автор этих строк долгое время пребывал в полной уверенности в том, что ему одному известны источники XV в. с самыми ранними упоминаниями прозвища Ивана Калиты. Однако в процессе написания этой статьи мы наткнулись на статью 2017 г. нынешнего директора Санкт-Петербургского института истории РАН А. В. Сиренова, который полагает, что «Калита» и другие прозвища ряда прямо или косвенно связанных с Москвой князей XII–XIV вв. появились в статье «А се князи русьстии» в составе приложения в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НПЛ). Анализ нескольких упомянутых в статье событий в связи с умершим в 1417 г. сыном Василия I Иваном позволил историку датировать составление статьи десятилетием между 1406 и 1417 гг. По мнению А. В. Сиренова, все княжеские прозвища появились единовременно. «Они были вымышлены автором статьи „А се князи русьстии“, который решал важную для своего времени идеологическую и историософскую задачу утверждения династии московских князей» [28, с. 184–193].

В своих рассуждениях А. В. Сиренов, к сожалению, допустил две досадные ошибки. Однако, прежде чем говорить о них, уместно сказать несколько слов о нашем источнике. Основательно изучивший рукопись НПЛ А. Г. Бобров выделяет в ней три части, созданные почти в одно и то же время. Нас, прежде всего, интересует первая часть (л. 7–13 об. и 257–305 об.). Она переписана почерком книжника, которого А. Г. Бобров называет писцом А. Этим писцом на л. 7–13 об. переписаны 5 статей-родословий: «Сиче родословятся велицеи князи русьстии», «Родословие тех же князеи», «Кто колико княжил», «А се князи русьстии» и неактуальная для нас статья «А се по святем крещении, о княжении Киевстем». 4 из 5 статей заслуживают самого пристального внимания. Этот же писец А переписал на л. 257–305 об. последние летописные известия за 1440–1446 гг. и следующее далее до конца рукописи обширное второе приложение со статьями историко-юридического характера (церковные уставы Владимира и Ярослава, Пространная Правда, Закон судный людем и т. д.).

Вторая часть рукописи начинается на оставшемся свободным месте на л. 13 об. и продолжается на л. 14–24 об. На этих листах писец В продолжил первое приложение, переписав 7 статей-родословий о новгородских князьях, посадниках, тысяцких, (архи)епископах, архимандритах, русских митрополитах и завершил свою работу статьей «А се имена всем градом рускым, далним и ближним».

Наконец, третья часть рукописи (л. 28–257) содержит собственно текст НПЛ, с начала до конца 1339 г. Она переписана условным писцом Б. Он закончил свою работу на лицевой стороне л. 257, что дало возможность приступить к делу писцу А. Соответственно, продолживший переписывать статьи писец В мог приступить к работе на л. 13 об. только после того, как ее закончил интересующий нас писец А. Разные сроки работы писцов подтверждаются и различными

сортами бумаги, которую они использовали. Согласно А. Г. Боброву, «можно уверенно предположить, что завершение работы писца А следует датировать 1446 г., скорее всего, началом года» [4, с. 68-74].

Итак, прозвище «Калита» не могло появиться после 1446 г. А что можно сказать о нижней хронологической границе его рождения? Нет сомнений, что писец А собрал в первом приложении статьи, составленные не одновременно. Первая статья «Сице родословятся велицеи князи русьстии» ранее привлекала внимание историков отсутствующей в летописных известиях информацией: «Данил роди Ивана, иже исправи Руськую землю от татеи и от разбоиник». Мы же хотим обратить внимание читателей на последних упомянутых в статье великих князей: «Василии роди Василия». Понятно, что речь идет о великих князьях Василии I (1389-1425 гг.) и Василии II Темном (1425-1462 гг.).

Вторая статья «Родословие тех же князеи» — **единственная** со случаем упоминания прозвища Ивана Даниловича: «Сынове Ивановы Калитины...». Статья заканчивается перечислением сыновей Василия I: «Юрьи, Иван, Данил, Семеон, Василии». Последним упомянут родившийся в 1415 г. будущий великий князь Василий II Темный, поэтому данная статья не могла появиться ранее 1415 г. [19, с. 465-466].

Третья статья «Кто колико княжил» заканчивается словами: «Дмитрии Ивановичь 27 лет. Турлакове рати без трех 100 лет минуло, коли Володимър взяли» [19, с. 467]. Дмитрий Донской, действительно, после окончательного утверждения был великим князем 27 лет (1362-1389). А после Турлаковой рати (1327 г.) минуло 97 лет в 1424 г., за год до смерти сына и преемника Дмитрия Донского Василия I.

В четвертой статье «А се князи русьстии», помимо всего прочего, перечисляются потомки первого московского князя: «А се Даниловичи великии князи: Юрьи Данилович, Иван великии князь, Семеон Ивановичь, Иван Иванович, Дмитрии Иванович, Василии Дмитриевичь» [19, с. 467-469]. Не касаясь вопроса о предложенной А. В. Сиреновым датировке данной статьи, заметим, что в ней 4 раза упоминается «Иван Данилович» и ни разу — «Калита» (вопреки утверждению А. В. Сиренова).

Переписанные писцами А и В приложения повторяются (с небольшими купюрами в виде статей о новгородских посадниках и тысяцких) единым приложением в т. н. «Летописи Авраамки» — своде новгородского происхождения, в котором события доведены до 1469 г. Рукопись заканчивается надписью переписавшего свод в 1495 г. в Смоленске некоего Авраамки. Небольшие правки в статьях приложения связаны с более поздним, по сравнению с НПЛ, временем создания свода. Например, статья «Родословие тех же князеи Русских» — с упоминанием сыновей «Ивановы Калитины» — теперь заканчивается фразой «сынове Васильеве — Иван». Речь, конечно, идет об Иване III, который родился в 1440 г. [23, стб. 308].

Выводы

Итак, прозвище «Калита» впервые зафиксировано примерно в 1446 г. в приложении к Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода,

однако статья «Родословие тех же князей» с данным прозвищем могла быть создана в 1415-1439 гг. и иметь северо-восточное происхождение. Все словари (древне)русского языка переводят слово «калита» как «сумка, мешок, кошель, (пришиваемый или пристегиваемый к поясу)» [29, с. 36]. Впервые слово упоминается во второй духовной Дмитрия Донского (1389 г.): «А сыну моему, князю Петру: пояс золот с камнем пегии, пояс золот с калитою да и тузлуки» [10, с. 36].

По мере постепенного распространения на Руси княжеских родословий прозвище было воспринято несколькими книжниками XVI в., однако среди них не оказалось ни одного летописца. Случайным образом практически все памятники XVI в. с упоминанием «Калиты» — приложение Воскресенской летописи, Степенная книга и Волоколамский патерик (через «Ядро Российской истории») — были опубликованы во второй половине XVIII в. и стали доступны историкам, включая Н. М. Карамзина. Авторитет и известность последнего сыграли решающую роль в закреплении за князем Иваном Даниловичем прозвища «Калита» в сознании большинства историков и обычных читателей, учившихся в средней и высшей школе. Как бы ни трактовали это слово книжники XV-XVI вв., историки XX-XXI столетий обычно воспринимали и до сих пор воспринимают «калиту» в переносном смысле и видят в носителе такого прозвища не владельца кошелька на поясе, а правителя, наделенного определенными чертами характера — бережливостью, беспринципностью и т. д. Это, несомненно, мешает объективной оценке политики и личных качеств Ивана Даниловича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. / К. А. Аверьянов. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.
2. Базилевич К. В. Начало объединения Северо-Восточной Руси / К. В. Базилевич; под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева // История СССР. Изд. 2-е. Том 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М.: Госполитиздат, 1947. С. 190-214.
3. Базилевич К. В. Начало объединения русских земель вокруг Москвы. Усиление Московского княжества в конце XIII — первой половине XIV в. / К. В. Базилевич // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 2. XIV-XV вв. С. 191-210.
4. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века / А. Г. Бобров. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
5. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков / Н. С. Борисов. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 207 с.
6. Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.) / Н. С. Борисов. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 391 с.
7. Борисов Н. С. Иван Калита / Н. С. Борисов. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 302 с.
8. Горский А. А. Русское средневековье / А. А. Горский. М.: Астрель: Олимп, 2010. 222 с.
9. Древнерусские патерики / под ред. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. М.: Наука, 1999. 494 с.

10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.
11. Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / А. П. Кадлубовский // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин: Типо-Литогр. М. В. Глезера, 1899. Том 2. Отд. 2. С. 98-149.
12. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 томах / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1991. Том IV. 480 с.
13. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. М.: Типография Грачева и Комп., 1871. III, 465, IV, III с.
14. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения: в 9 томах. М.: Мысль, 1987. Том 2. Ч. 2. 447 с.
15. Козлов В. П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков / В. П. Козлов. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
16. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. М.: Книга, 1990. Кн. 1. 740 с.
17. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X-XIV вв. / В. А. Кучкин. М.: Наука, 1984. 332 с.
18. Ломоносов М. В. Краткий российский летописец с родословием / М. В. Ломоносов. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1760. 75 с.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 624 с.
20. Орлов А. С. История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 680 с.
21. Павленко Н. И. История СССР с древнейших времен до 1861 года: учебник для студентов педагогических институтов / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Фёдоров; под ред. Н. И. Павленко. М.: Просвещение, 1989. 559 с.
22. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Том 7. Летопись по Воскресенскому списку. D, X, 346 с.
23. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Том 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. XII, 240 с.
24. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Том 21. 1-я пол. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. VII, 342 с.
25. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. Том 21. 2-я пол. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. С. 343-708.
26. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Том 31. Летописцы последней четверти XVII века. 263 с.
27. Синкевич А. С. Еще раз о прозвищах сыновей Ивана Калиты / А. С. Синкевич // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2006. Вып. IX. С. 86-90.
28. Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей / А. В. Сиренов // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184-193.
29. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.
30. Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьёв. М.: Мысль, 1988. Кн. 2. Том 3-4. История России с древнейших времен. 765 с.

31. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен / В. Н. Татищев. СПб.: В типографии Вейтбрехта, 1784. Кн. 4. 595 с.
32. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л. В. Черепнин. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
33. Черепнин Л. В. Объединение русских земель вокруг Москвы / Л. В. Черепнин // История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966. Том 2. С. 63-104.
34. Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. М.: Императорский Московский университет, 1770. 16, 392, 8 с.

Sergey S. PASHIN¹

UDC 930.23

ONCE AGAIN ABOUT THE COGNOMEN OF IVAN KALITA

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of Homeland History,
University of Tyumen
pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the etymology of the Moscow Prince Ivan Danilovich Kalita's cognomen. The cognomen "Kalita" was first recorded around 1446 in the appendix to the Komissionnyj copy of the Novgorod First Chronicle. However, the article "Genealogy of the same princes" with this cognomen could be created in 1415-1439 and have a North-Eastern Rus' origin. Thus, Ivan Kalita first received the cognomen only 100 years after his death. With the gradual spread of princely genealogies in Russia, the cognomen was perceived by three (or four) scribes of the 16th century. By chance, almost all the texts of the 16th century with the mention of "Kalita" — the appendix of the Voskresenskaya Chronicle, The Book of degrees of the royal genealogy and the Volokolamsk Paterik (through the "Core of Russian History") — were published in the second half of the 18th century and became available to historians, including N. M. Karamzin. The authority and fame of N. M. Karamzin played a decisive role in securing the cognomen "Kalita" for Prince Ivan Danilovich in the minds of most historians and ordinary readers alike. The historians of the 19th century followed the hagiographic tradition and believed that Ivan Kalita got his cognomen for the fact that he wore a purse (kalita) filled with money on his belt, which he distributed to beggars. The historians of the 20th-21st centuries usually perceive the cognomen "kalita" in a figurative sense and see in its carrier not an owner of a purse on a belt, but a ruler with certain character traits — thrift, unscrupulousness, etc. This prevents an objective assessment of the policy and personal qualities of Ivan Danilovich.

Keywords

Ivan Kalita, the origin of the cognomen, old Russian chronicles, opinions of historians.

Citation: Pashin S. S. 2021. "Once Again about the Cognomen of Ivan Kalita". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 3 (27), pp. 87-102.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-87-102

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-87-102

REFERENCES

1. Averyanov K. A. 2018. Riddle of Ivan Kalita's Testament. The Accession of Galich, Uglich and Beloozero to the Moscow Principality in the 14th Century. Moscow: Tsentrpoligraf. 319 p. [In Russian]
2. Bazilevich K. V. 1947. "The beginning of the gathering of North-Eastern Rus". History of the USSR. Ed. 2. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 1, pp. 190-214. [In Russian]
3. Bazilevich K. V. 1953. "The beginning of the unification of the Russian lands around Moscow. Strengthening of the Moscow principality at the end of the 13th — the first half of the 14th century". Essays on History of USSR. The Period of Feudalism. 9th-15th Centuries. Moscow: AN SSSR. Part 2, pp. 191-210. [In Russian]
4. Bobrov A. G. 2000. Novgorod Chronicles of the 15th Century. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 287 p. [In Russian]
5. Borisov N. S. 1986. The Russian Church in the Political Struggle of the 14th-15th Centuries. Moscow: Moscow State University Publishing house. 207 p. [In Russian]
6. Borisov N. S. 1999. The Policy of the Moscow Princes (the end of the 13th — the first half of the 14th century). Moscow: Moscow State University Publishing house. 391 p. [In Russian]
7. Borisov N. S. 2005. Ivan Kalita. 3 ed. Moscow: Molodaya gvardiya. 302 p. [In Russian]
8. Gorskiy A. A. 2010. Russian Medievaling. Moscow: Astrel': Olimp. 222 p. [In Russian]
9. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. (ed.) 1999. Old Russian Pateriks. Moscow: Nauka. 494 p. [In Russian]
10. Cherepnin L.V. (ed.). 1950. The Ecclesiastical Letters Missive and Treaties Ratification of the Grand Dukes and Feudal Princes of the 14th-16th Centuries. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 593 p. [In Russian]
11. Kadlubovskij A. P. (ed.). 1899. "The Vita of venerable Pafnutij of Borovsk, written by Vassian Sanin". The Collected Papers of the Historical-Philological Society in the Bezborodko-Institut in Nezhin, vol. 2. Nezhin: Tipo-Litogr. M. V. Glezer. p. 98-149. [In Russian]
12. Karamzin N. M. 1991. History of Russian State: In 12 Volumes. Moscow: Nauka. Vol. 4. 480 p. [In Russian]
13. Klyuchevsky V. O. 1871. Old Russian Vita of Saints as a Historical Source. Moscow: Tipografiya Gracheva i Komp. 465 p. [In Russian]
14. Klyuchevsky V. O. 1987. "Course of Russian history". Essays: in 9 Volumes. Moscow: Mysl'. Vol. 2, part 2. 447 p. [In Russian]
15. Kozlov V. P. 1996. Secrets of Falsification: Analysis of Fake Historical Sources of 18th-19th Centuries. 2 ed. Moscow: Aspect Press. 272 p. [In Russian]
16. Kostomarov N. I. 1990. Russian History in the Biographies of Its Main Figures. Moscow: Kniga. Book 1. 740 p. [In Russian]
17. Kuchkin V. A. 1984. North-Eastern Rus' Territory Formation of 10th-14th Centuries. Moscow: Nauka. 332 p. [In Russian]
18. Lomonosov M. V. 1760. A Brief Russian Chronicler with a Genealogy. St. Petersburg: Imperator Akademii Nauk. 75 p. [In Russian]

19. Nasonov A. N. (ed.). 1950. First Novgorod Chronicle of the Senior and Junior Derivation. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 624 p. [In Russian]
20. Orlov A. S., Georgiev V. A., Georgieva N. G., Sivokhina T. A. 2011. History of Russia. 2 ed. Moscow: Prospekt. 680 p. [In Russian]
21. Pavlenko N. I., Kobrin V. B., Fedorov V. A. 1989. History of the USSR from Ancient Times to 1861. Moscow: Prosveshchenie. 559 p. [In Russian]
22. Kloss B. M. (ed.). 2001. Full Collection of Russian Chronicles. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. Vol. 7. 346 p. [In Russian]
23. Kloss B. M. (ed.). 2000. Full Collection of Russian Chronicles. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. Vol. 16. 240 p. [In Russian]
24. Full Collection of Russian Chronicles. 1908. Book of the Degree of royal genealogy. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova. Vol. 21, part 1. 342 p. [In Russian]
25. Full Collection of Russian Chronicles. 1913. Book of the Degree of royal genealogy. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova. Vol. 21, part 2, pp. 343-708 [In Russian]
26. Full Collection of Russian Chronicles. 1968. Chroniclers of the last quarter of the 17th century. Moscow: Nauka. Vol. 31. 263 p. [In Russian]
27. Sinkevich A. S. 2006. "Once again about cognomens of Ivan Kalita's sons". Tyumen Historical Collection. Tyumen: Vector Buk. Vol. 9, pp. 86-90. [In Russian]
28. Sirenov A. V. 2017. "About cognomens of old Russian princes". St. Petersburg Historical Magazine, no. 2, pp. 184-193. [In Russian]
29. Filin F. P. (ed.). 1980. Dictionary of Russian Language of the 11th-17th Centuries. Moscow: Nauka. Vol. 7. 403 p. [In Russian]
30. Solov'yov S. M. 1988. Essays: In 18 Books. Moscow: Mysl'. Book 2. Vol. 3-4. History of Russia Since Ancient Times. 765 p. [In Russian]
31. Tatishchev V. N. 1784. Russian History from the Most Ancient Times. St. Petersburg: V tipografii Veitbrekhta. Book 4. 595 p. [In Russian]
32. Cherepnin L. V. 1960. The Formation of the Russian Centralized State in the 14th-15th Centuries. Essays on Socio-Economic and Political History of Russia. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomiskoi literatury. 900 p. [In Russian]
33. Cherepnin L. V. 1966. "Unification of Russian lands around Moscow". History of the USSR from Ancient Times to Our Days. Moscow: Nauka. Vol. 2, pp. 63-104. [In Russian]
34. Khilkov A. Ya. 1770. The Core of Russian History, Composed by the Near Stolnik and Former Resident in Sweden, Prince Andrei Yakovlevich Khilkov, in Favor of Russian Youth, and for All About Russian History a Brief Concept of Having Those Who Want To Be Published In Print, with a Preface about the Writer of This Book and the Surname of the Princes Khilkov. Moscow: Imperator Moscow University. 392 p. [In Russian]